- Мерлин мой… Люциус…

Тот не услышал, как подошёл отец. Малфой-младший лежал на траве у пруда – был жаркий летний день, он только что искупался и теперь просто валялся в тени, вольно раскинувшись на траве, разбросав руки в стороны и наслаждаясь теплом и покоем этого прекрасного июльского дня.

И отца не услышал.

А если бы даже и услышал – всё равно бы ничего не изменилось, потому что то, что потом произошло, стало для Люциуса полным сюрпризом.

- Что это такое? – медленно спросил Абраксас, наклоняясь и поднимая левую руку сына, на белом предплечье которого красовалась бледная сейчас картинка – обвившая и вылезающая из черепа змея. – Ты…

Он вдруг размахнулся и со всей силы ударил Люциуса по лицу. Пощёчина оказалась такой сильной, что у того зазвенело в голове, а в глазах заплясали искры – но в тысячу раз сильнее этого сотрясения и боли было изумление.

Отец никогда не поднимал на него руку. Вообще никогда. Это было так же немыслимо, как, к примеру, усадить с собою за стол домашнего эльфа.

Люциус так и остался лежать на земле, отстранённо подумав, что, кажется, отец его сейчас тут убьёт. Просто возьмёт свою палочку – и полыхнёт зеленью. Будет даже красиво… зелень в зелёной траве.

Никогда он не видел у отца такого лица. Он даже представить себе не мог, что оно вообще таким может быть.

- Ты, - задохнувшись, сказал Абраксас. – Ты…

Он отшвырнул его руку, развернулся и быстро, почти что бегом пошёл к дому. Чувствуя, что происходит что-то непоправимое, Люциус вскочил и побежал следом, даже не вспомнив, что сейчас на нём из одежды нет ничего.

- Па… отец, - назвать того сейчас «папой» не получилось. Догнать-то его он догнал, но…

- Убирайся. С глаз моих. Сейчас. Убирайся, - глухо проговорил тот, схватив сына за плечо с такой силой, что кожа вокруг его сомкнувшихся пальцев даже не покраснела, а побелела. – Завтра утром придёшь ко мне в кабинет. А до тех пор – не попадайся мне на глаза. Вон.

Он отшвырнул руку сына с такой силой, что тот не устоял на ногах и упал, сев на землю. Отец вновь размашисто зашагал к дому, а Люциус остался сидеть на траве, пытаясь восстановить дыхание и унять звон и пожар в голове. Самое страшное – он никак не мог понять, что же произошло, что он сделал такого, что привело отца в подобную ярость? Люциус растерянно перебирал в голове события последних дней и недель… да нет, не было там ничего особенного! Вообще всё было как обычно… что же случилось?

Он вспомнил, наконец, что раздет. Ему стало от этого неуютно – он встал и пошёл назад, к озеру. Оделся. Возвращаться домой было… страшно. В словах Абраксаса не было прямой угрозы, конечно… но лучше бы, наверное, была.

Люциус подумал немного – и аппарировал на побережье.

Ему нужно было с кем-то поговорить – с кем, как не с Руди? Если он дома, конечно.

Тот был дома, и именно дома, а, к примеру, не в море, куда очень полюбил в последнее время выходить в лодке один или на пару с братом. И очень удивился, когда Люциус аппарировал прямо в главный зал – у него на глазах. Прежде Малфой никогда себе подобного хамства не позволял – поэтому Родольфус не рассердился, а очень встревожился.

- Что случилось? – спросил он, отходя от стола, на котором изучал какую-то карту.

- Да сам не знаю, - потерянно проговорил Люциус. – Вот думал, может быть, ты мне расскажешь…

- Я? – он даже не скрывал удивления. – А я имею к этому отношение?

- Я не знаю… наверное, нет… выпить есть что-нибудь?

- Что угодно… коньяк?

- Да нет, - неожиданно отказался Люциус. – Лучше что-нибудь… я не знаю. Спирта, что ли, - он нервно рассмеялся.

- Да что у тебя стряслось? – Руди уже всерьёз начал нервничать.

- Да не знаю я! – воскликнул тот – и пересказал Лестрейнджу всё только что с ним случившееся. – Вот что это было, а? Я клянусь тебе – я вообще ничего особенного в последнее время не делал!

- Н-да, странно… вот так просто на пустом месте? – задумчиво проговорил Родольфус.

- Да! Именно! Именно что на пустом!

- Да не мог он на пустом… раз ты не делал ничего – значит… говоришь, ты просто лежал на траве? Голый?

- Так я же не посреди дома голый лежал. В траве, у пруда, один… мы всегда там купаемся!..

- Да я не к тому, - задумчиво протянул он, - скажи, а он про метку-то знает?

- Не знаю… не помню. При чём тут?

- Может… узнал?

- И что? – Люциус даже не понял. – Ну узнал… он бы, я думаю, скорее обрадовался…

- Ты полагаешь?

- Конечно… это же честь. Отличительный знак. Руди, не идиотничай. Давай дальше думай.

- Это ты идиотничаешь, - почему-то рассердился Родольфус. – И вообще, я занят сейчас, извини.

- Занят? С ума сошёл?! – Люциус даже схватил его за руку, но тот резко и грубо вырвался.

- Да, занят. Я уже сказал тебе, что я думаю.

- Да при чём здесь вообще эта метка? – разозлился Малфой. – Какая вообще отцу разница?

- Люци, - вздохнул Родольфус. – Ты… ты иногда ведёшь себя просто как полный кретин. Извини. Сядь и подумай самостоятельно.

- Я не понимаю, - проговорил Малфой озадаченно. – Метка… почему?!

- Потому что ты идиот, - вздохнул Родольфус. – Правда, я тоже. И Белла. И Асти. И все мы – стадо придурков. Ты ещё разве не понял, что это?

- Что мы все идиоты? Нет, как-то не понял. Это же ты у нас тут…

- Замолчи.

Он умолк. Руди умел неожиданно приказать… так, словно имел на это какое-то право.

- Ты не понял, что это? – Родольфус поднял рукав и кивнул на свою метку.

- В каком смысле? Что-то вроде модифицированных Протеевых чар, полагаю… очень удобно. Ну и отличительный знак, конечно, - он не удержал гордой улыбки. – Он далеко не всем…

- Ты кретин.

Нет, Родольфус, конечно, никогда в выражениях не стеснялся – ещё с детства. Но это всё-таки перебор.

- Сам такой, - ругаться Люциус не хотел, но и стерпеть не мог.

- Такой, - тот согласно кивнул. – Но я хотя бы с самого начала понимал, что делаю. А вы – кретины. Протеевы чары, - передразнил он.

- Ладно… - когда Руди в таком настроении, указывать ему на недопустимость некоторых высказываний бесперспективно. Сам потом пожалеет. – И что же это, на твой взгляд, такое?

- А это тебе папа расскажет, - зло и непривычно для него ядовито ответил Родольфус. – Не буду лишать его хотя бы этого удовольствия. Если у тебя сейчас всё – мне надо работать.

- Ты тоже меня выгоняешь? – возмутился Малфой. Родольфус вдруг побелел, схватил его за руку, спросил перепугано:

- В каком смысле тоже? Он тебя… выгнал? Изгнал?!

- С ума сошёл?! – Люциус так удивился, что даже разозлиться не смог. – Какое изгнал?! С чего бы?!

Лестрейндж выдохнул и отпустил его.

- Я подумал… ничего. Извини.

- Слушай, - Родольфус вёл себя до того странно, что Люциус невольно начал нервничать. – Что происходит, а?

- Посмотри на метку. Внимательно. И подумай. Голова у тебя есть – не Уолли. Вот к тому у меня никаких претензий по поводу. Хотя его тоже жалко. Слушай… скажи мне одну вещь. У Нарциссы есть метка?

- Нет, конечно, - Люциус дёрнул плечом. – Вот ещё. Зачем ей?

- Хорошо, - Родольфус кивнул и даже улыбнулся.

- Он ей, между прочим, не предлагал.

- И отлично, - сказал Родольфус весело. – А ты думай, Люци, думай.

Он кивнул гостю и вернулся к столу и к своей карте.

А Люциус постоял-постоял – и пошёл на берег.

Думать.

Домой он вернулся к ночи и попросил Нарциссу пока ни о чём не расспрашивать – просто сказал, что сильно повздорил с отцом. Она поняла… она всегда понимала.

А утром Люциус пришёл к своему отцу.

Абраксас встретил его спокойно. Кивком указал на стул перед своим столом.

- Садись.

Люциус сел.

- Я хочу знать, когда ты это сделал.

- Что сделал? – задал Люциус, наконец, тот вопрос, на который со вчера так ответа и не нашёл.

- Когда ты сделал себя рабом.

Абраксас произнёс это совершенно спокойно, даже, пожалуй, буднично.

- Я не… это… это просто…

Это глупо… Какое рабство?!

- Это клеймо, Люциус, - спокойно и немного устало сказал Абраксас. – А ты – раб этого полукровки. Насколько я понимаю, до смерти одного из вас.

- Да нет! – возразил он, задирая рукав рубашки – сегодня жарко, и он без мантии, ведь дома же, не на людях. – Это просто…

- Замолчи.

Люциус умолк.

Отец выглядел… постаревшим. Кажется, со вчера он прибавил лет двадцать, если не больше.

- Это клеймо, мальчик. Давай говорить как есть.

- Это просто способ… - попытался вновь возразить Люциус.

- Клеймо.

Люциус мотает головой. Он не… он не мог вот так ошибиться!

- Ну, что ж теперь, - сказал, помолчав, Абраксас. – Скажи мне только – ты там один, или и жену за собой потащил?

- Нет, - почему-то шёпотом ответил отцу сын. – Нет, что ты…

- Ну вот сбереги хотя бы её, - кивнул Абраксас. – Собственно, это всё… можешь идти.

- Папа… - слово замерло у него на языке, и он поправился, - отец…

- К сожалению, - жёстко ответил тот. – Но этого уже не исправить. Всё, мы закончили этот разговор.

- Отец, я…

- Иди. Не хочу тебя сейчас видеть, - сказал Абраксас спокойно, словно бы сообщая о некой данности. – Постарайся больше не делать глупостей: я никуда тебя не выгоняю, этот дом – твой, мы не Блэки, наследник есть наследник. Даже раб, - его губы кривятся – то ли от презрения, то ли от боли. – Но лично я лично тебя какое-то время видеть не хочу. Уходи.

- Отец, - проговорил Люциус потерянно.

- К несчастью, - жестоко повторил тот. – Иди, Люциус. Тебе жить.

…Люциус сам не помнил, как вышел из кабинета и как оказался на крыше. Сияло солнце, и та была очень горячей – он сел, привалившись спиной к какому-то выступу, а потом лёг, свернувшись клубком и прикрывая лицо от палящего солнца своими длинными волосами – практически белыми, как и у всех Малфоев.

Что же он натворил…

«Насколько я понимаю, до смерти одного из вас», - звучит в голове.

Да нет… он не мог с ними так поступить – мелькает спасительная и жалкая мысль. Том Риддл – такой сильный и такой обаятельный… Отец же сам сто раз с удовольствием принимал его у себя! Он не попался бы так… только не он… не Люциус Малфой…

Он не заметил, как задремал, а потом и заснул – прямо на крыше, под сжигающим даже куда более тёмную кожу ярким июльским солнцем.

http://tl.rulate.ru/book/63473/1659674